
НИКОЛАЙ КУЗИН

Между Москвой и Вологдой

К 75-летию Василия Ивановича Белова

Он был уже очень знаменитым, когда я его впервые увидел “живьём”. В Кремлёвском Дворце съездов, где проходил VII съезд Союза писателей СССР в 1980 году.

Он сидел за столом президиума съезда. Удивил меня его внешний вид. На небольшом теле – горделивая крупная голова с высоким лбом, окаймлённым уже редковатыми и седеющими волнистыми волосами. А в перерывах между заседаниями съезда я увидел его беседующим с группой лиц, среди которых были и мои знакомые: вологодский критик Василий Оботуров, московский литературовед Вадим Кожин, курганский прозаик Виктор Потанин и краснодарец Виктор Лихоносов. Я подошёл к ним, поздоровался со всеми, в том числе и с ним – знаменитым писателем земли русской Василием Ивановичем Беловым. На фоне довольно рослых Оботурова, Потанина (да и Лихоносов с Кожинным тоже гляделись импозантно) небольшая фигура Василия Ивановича смотрелась до обидного не внушительной, зато я, оказавшись с ним почти одинакового роста и даже, пожалуй, чуть покрупнее его, сразу почувствовал себя уверенней (признаюсь, что малорослые иногда ощущают себя не совсем комфортно в окружении высокорослого люда).

В те “съездовские” дни 1980 года мне всё же довелось немного поговорить с Василием Ивановичем, и он даже пригласил меня “как-нибудь” заглянуть в Вологду. Чем я не преминул воспользоваться, правда, только... через четыре года, когда Василий Оботуров уже официально, как руководитель Вологодской писательской организации, пригласил меня на юбилейные празднества по случаю 100-летия выдающегося русского поэта Николая Клюева. Я прекрасно понимал, что такое приглашение не могло быть не согласовано с В. И. Беловым (как и всякое литературное мероприятие на Вологодчине), поэтому по приезде в Вологду первым делом позвонил Василию Ивановичу и поблагодарил его за оказанную мне честь быть в числе “избранных” на таком литературном празднике, среди которых были В. Кожин, В. Личутин, А. Передреев, Ст. Куняев, профессор Литинститута В. Ерёмин, костромской поэт и прозаик В. Шапошников (ныне – протоиерей отец Вячеслав), ну и, разумеется, вологодские друзья-писатели В. Коротаев, А. Романов, В. Шириков, А. Грязев, С. Алексеев и др.

Довольно внушительная группа русских писателей была очень тепло принята вологодскими властями (и в этом тоже заслуга Василия Ивановича), а затем мы совершили паломничество на родину поэта в г. Вытегру и обратно на теплоходе (от Череповца по Волго-Балту до г. Вытегра) про-

хладными октябрьскими днями, наслаждаясь своеобразной нерукотворной и рукотворной красотой Русского Севера (Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский монастыри, Белое озеро).

А через год почти в том же составе, но летом, мы снова были приглашены в Вологду, чтобы принять участие в новом торжестве – открытии памятника в г. Тотьме другому выдающемуся русскому поэту – Николаю Рубцову. Отправились из Вологды автобусом до г. Сокола, а оттуда по реке Сухоне сначала в село Никольское, что стоит на левом берегу речки Толшмы, притока Сухоны, где прошли детские годы поэта, его жизнь во время учёбы на заочном отделении Литературного института, а потом – в Тотьму. Опять встречаю своих знакомых и приятелей: В. Кожина, Ст. Куняева и его сына Сергея, А. Передреева, В. Ерёмину, скульптора В. Клыкова, автора памятника Н. Рубцову (с Вячеславом Клыковым я познакомился в Москве в день открытия надгробья на могиле Юрия Селезнёва, автором которого был как раз Вячеслав, на Ново-Кунцевском кладбище в 1985 году).

Василий Иванович во время этой поездки был закопёрщиком всех начинаний: конференции, посвященной памяти Рубцова, в Никольской школе, встреч известных литераторов с читателями, сам неоднократно выступал перед последними. Именно тогда я воочию убедился в подлинно всенародной любви, сопровождавшей Василия Ивановича на любом островке вологодской земли. И как раз в эту поездку я, можно сказать, вошёл в доверие к Белову (он мне подарил тогда свои гениальные очерки о народной эстетике “Лад”), хотя дружба наша окончательно закрепилась в 1987 году, когда я снова приехал в Вологду на Дни славянской письменности и культуры.

Вологда, помнится, второй переняла эстафету от Мурманска, где первые Дни были отмечены с грандиозным размахом в 1985 году. С грандиозным, то есть всеславянским. Гостей принимали со всех концов Советского Союза и из братских славянских стран Европы. Приехали виднейшие деятели культуры, учёные-гуманитарии из крупнейших университетов, известные литераторы, историки (среди них много моих знакомых: кудесник слова Владимир Личутин, историк Аполлон Кузьмин, поэт Валентин Устинов, скульптор Вячеслав Клыков, критик Иван Рогощенков из Петрозаводска, прозаик Михаил Шукин из Новосибирска...). Думаю, что все, кому довелось побывать в те майские дни на Вологодчине, никогда не забудут о них. Многолюдные шествия по улицам Вологды, другим городам и весям области, жаркие споры и дискуссии в вузах Вологды, ночные костры на берегу Вологды-реки... Мы тогда оказались с Василием Ивановичем в одной команде: Василий Иванович возглавил эту команду (человек 40–50 горожан), а я у него был помощником. Главная наша задача была не позволить скучать возле костров. Игры, аттракционы, песни, карнавалы – во всём этом нам приходилось быть, так сказать, застрельщиками, заводилами, затейниками. На Василия Ивановича я тогда не мог смотреть без любования – он как мальчишка бегал, поочередно подкидывая полешки то в один, то в другой костёр, кувыркался, распевал веселые частушки, и не верилось, что этот седовласый человек (а ему уже шёл шестой десяток) способен на самые что ни на есть мальчишеские проказы. Все члены нашей команды были от него в восторге, а мне оставалось только подыгрывать моему старшему товарищу. Единственное, что меня немного огорчало: Василий Иванович к этой поре совсем “завязал” с “увеселительными” напитками, но это были, пожалуй, только мои личные огорчения, ибо другие члены команды не очень-то и жаждали этих напитков...

В последующие годы я встречался с Василием Ивановичем в Москве, в основном в Союзе писателей России, на Комсомольской, 13 (точнее – на Комсомольском проспекте, 13), а также на разных съездах и конференциях. Общались не всегда подолгу, но душевно и с полным взаимодоверием. Помню, как однажды я приехал на заседание приемной комиссии рано, где-то часов в 8 утра. Дежурный в здании Союза писателей открыл комнату, в которой заседала приемная комиссия, и я на правах хозяина стал готовить чай. И не напрасно. Через 15–20 минут после моего воцарения в комнате приоткрывается дверь и показывается седая голова... Василия Ивановича. Да, да, именно Василия Ивановича Белова, который, как выяснилось потом, тоже прибыл в Москву ранним поездом и сразу тоже поехал в Союз писателей. Дежурный и сказал ему обо мне как о единственном обитателе писательского дома.

Оба мы, я и Василий Иванович, очень обрадовались нежданно-негаданной встрече и проговорили до самого начала заседания комиссии (до 12 часов) — благо все остальные члены комиссии не торопились с приходом и подходили аккуратно к началу заседания. Василий Иванович поделился со мной печальными новостями о Вологде (проводил в мир иной своих друзей — прекрасных русских литераторов Сашу Романова и Володю Ширикова, с которыми я тоже был в дружеских отношениях), рассказал о приключениях, когда ездил на похороны родного брата в соседнюю Архангельскую область: не смог купить билет на поезд и, заплатив 500 рублей машинисту тепловоза, ехал в его кабине. О литературных делах своих говорил с горечью, сетовал, что никак не может закончить воспоминания о Василии Шукшине и Валерии Гаврилине, бранил себя за лень, за срывы режима работы и жаловался на нездоровье, возмущался установившимся в стране коррупционным режимом, проклинал Ельцина. Я, пожалуй, впервые видел его таким растерянным и сердитым, но и сам-то пребывал в угрюмо-безысходном состоянии.

А вечером того же дня, после окончания работы приемной комиссии, отправляясь в гостиницу, я снова встретил Василия Ивановича, и мы как бы продолжили утреннюю беседу. На этот раз, правда, больше говорил я (о коллегах по комиссии, о своих литературных планах), а Василий Иванович больше слушал, изредка прерывая меня репликами. Договорились встретиться на следующий день опять в Союзе писателей. Увы, не встретились, так как Василий Иванович, как оказалось, неожиданно уехал в Вологду, предварительно позвонив в Союз с просьбой передать мне свои извинения за нарушение им договорённости. . . Месяца через полтора я получил от него небольшую бандероль — в ней была книга Василия Ивановича, вышедшая в издательстве ЛИО «Редактор». В книгу вошли роман «Всё впереди» и пьеса «Семейные праздники». На шмуцтителе книги, даже не на шмуцтителе, а на его обороте, под своей фотографией Василий Иванович написал: «Дорогой Коля, может быть, ты не читал этот роман? Аз грешный тоже способен писать кое-что. . . Обнимаю. Белов 2.02.2002 года».

Роман-то в своё время я, конечно, читал, когда он был опубликован в журнале «Наш современник» в середине 80-х годов прошлого века, был страшно возмущён теми разгромными откликами, которые довелось читать в прессе, написал статью в защиту романа от критиков-клеветников, но опубликовать, увы, не смог — её «вежливо» отклоняли все редакции, куда я обращался, по причине, что, мол, защищать «антисемитский» роман рискованно. Да, такие были времена, когда Сион откровенно рвался к власти, подготавливая ту самую «либеральную революцию», которая завершилась, к несчастью, полной победой этих самых «свободолюбцев» в августе 1991 года.

Перечитав роман «Всё впереди» заново и прочитав пьесу «Семейные праздники», посвященную октябрьским событиям 1993 года (расстрел ельцинской камарильей Верховного Совета), я незамедлительно написал статью «В предчувствии беспросветности» и отослал её в редакцию газеты «Российский писатель», где она была, к моей радости, незамедлительно опубликована, а позднее была опубликована ещё и в журнале «Родная Кубань», который основал и редактирует по сей пору удивительный русский писатель и мой хороший друг Виктор Иванович Лихоносов. Статья, как мне передавали, получила большой резонанс в писательских кругах, приглянулась она и самому Василию Ивановичу, о чём он мне сообщил в письме, в котором, в частности, писал: «...Ты сотворил великолепную статью! Она, эта статья, весьма кстати, так как я всё ещё жив и осенью стукнет мне семьдесят».

Я даже склонен предполагать, что именно публикация моей статьи и сыграла не последнюю роль в том, что я оказался официально приглашённым департаментом культуры Вологодской области в Вологду на празднование 70-летия Василия Ивановича в октябре 2002 года. Приглашению я обрадовался несказанно и, хотя чувствовал себя не совсем здоровым, поехал в Вологду окрылённым. И она, эта окрылённость, ещё больше усилилась, когда по приезде я увидел, как вологжане готовятся восторженно отметить юбилей своего великого земляка. Можно без преувеличения сказать, что весь город в эти дни с 21 по 23 октября был в каком-то праздничном убранстве: во всех библиотеках, во всех учреждениях культуры, в редакциях газет, в музеях были вывешены портреты Василия Ивановича, по

радио и телевидению шли передачи, посвященные ему, в драматическом театре шла его пьеса “Семейные праздники”, поставленная превосходным московским режиссёром и поэтом Антоном Васильевым-Фоменко (сыном известного поэта Сергея Васильева). Выставки, посвященные жизни и творчеству Василия Ивановича, были организованы, пожалуй, во всех населённых пунктах Вологодской области. Да, это было воистину всенародное чествование великого труженика отечественной словесности.

Из Москвы на юбилей приехала группа писателей, со многими из которых дружил и дружу: Станислав Куняев, Владимир Крупин, Владимир Бондаренко, Владимир Костров, Сергей Небольсин, Нина Карташева, Анатолий Заболоцкий – друг и оператор многих фильмов В. М. Шукшина; приехал Сергей Васильевич Викулов – земляк Василия Ивановича, более 20 лет возглавлявший редакцию журнала “Наш современник”, где публиковались многие произведения Белова (когда пишу этот очерк, узнаю, что Сергей Васильевич Викулов скончался – вечная память этому подвижнику русской литературы, поэту-фронтовику); из Питера приехали прозаик и поэт Рональд Нелепин, поэт фотодела Анатолий Пантелеев, знаменитый хирург Фёдор Углов; из Воронежа – прозаик и главный редактор журнала “Подъём” Иван Евсеенко... Все ждали приезда Валентина Распутина из Иркутска, но Валентин Григорьевич, к сожалению, заболел, прислал с Толей Пантелеевым (тот был в гостях у Распутина) подарок и пронзительное поздравительное письмо, в котором выразил всегдашнее чувство любви и восхищения творчеством Василия Ивановича. Несколько удивило меня появление бывших высокопоставленных партчиновников, входящих ныне в так называемый оппозиционный блок (Анатолий Лукьянов, Валентин Купцов, бывший в своё время первым секретарём Вологодского обкома КПСС, а ныне – второй человек в КПРФ, и ещё кто-то – запамятовал). Впрочем, удивляться тут, пожалуй, и нечему: Василий Иванович состоял в КПСС, все свои выдающиеся вещи (повести “Привычное дело”, “Бухтины вологодские”, “Плотницкие рассказы”, очерки о народной эстетике “Лад”, романы “Кануны”, “Всё впереди” и десятки рассказов-шедевров: “Воспитание по доктору Споку”, “Чок-получок” и др.) написал при советской власти, был обласкан (и очень заслуженно!) последней всеми почестями (Государственные премии, орден Ленина), поэтому присутствие бывших партаппаратчиков, особенно В. Купцова, с которым Василий Иванович был в дружеских отношениях, в общем-то вполне закономерно. Но вот держались эти бывшие партфункционеры особняком от нас, писательской братии (только Володя Бондаренко контактировал с ними), и это невольно напоминало те времена, когда на словах “народ и партия – едины”, а на деле – неизменно отдалены друг от друга.

На заключительном банкете было произнесено много слов любви и признательности в адрес Василия Ивановича, я тоже, помнится, сказал небольшую речь, вручив юбиляру сувенир от себя и небольшую картину, написанную моим земляком и товарищем – художником Григорием Нечеухиным (в 80-е годы Нечеухин отчасти по моей рекомендации ездил к Василию Ивановичу в его родную деревню Тимонику, написал отличные, на мой взгляд, портреты Василия Ивановича и его матери). Тост мой был принят хорошо и самим Василием Ивановичем, и всеми присутствующими на банкете, а Володя Крупин не без лукавства заметил: “Коля, ты выступил лучше нас всех, а потому...” – окончания его реплики я не расслышал из-за шума и гама...

Между прочим, вологодская встреча оказалась последней на сегодняшний день моей встречей с Василием Ивановичем. В Москву я в последние годы стал ездить редко, а Василий Иванович, наверное, и того реже – прихварывать стал наш классик, и совсем, видимо, не до поездок ему, хотя в Москве у него есть небольшая квартира, в которой проживает его дочь. Встретив кого-нибудь из вологжан, всегда шлю Василию Ивановичу тёплые приветы, а вот написать обстоятельное письмо никак не соберусь – совсем разучились мы обмениваться письмами с друзьями, а ведь еще совсем недавно нередко исповедовались друг перед другом в пространных эпистолярных посланиях (нет, я не имею в виду свою конкретную переписку с Василием Ивановичем, она всегда имела случайно-бессистемный характер, а говорю вообще). Сказывают, что здоровье его крепко

пошатнулось, но он, слава Богу, пока здоровствует, о чём свидетельствует его опубликованное в газете “День литературы” поздравление с 60-летием Володи Бондаренко (март 2006 года), и я молю Господа, чтобы он как можно дольше продлил безболезненную жизнь этому, безусловно, великому русскому писателю, с которым я имею счастье быть в тёплых дружеских отношениях. Сожалею только, что мало писал о его творчестве, но есть тому и оправдание: выход в 1983 году книги моего друга Юрия Селезнёва (безвременно скончавшегося в 1984 году) “Василий Белов”, в которой все творения Василия Ивановича объяснены и раскрыты с такой основательностью, что я попросту не мог, вернее, не сумел бы избежать искушения повториться. Но не теряю надежды, что если судьба отпустит мне еще несколько годочков жизни, то я непременно напишу и о В. И. Белове – художнике слова. Но, как говорится, на всё есть Божья воля.

Да, с восторгом принял весточку о том, что 4 октября 2006 года Василию Ивановичу присуждена главная литературная премия “Ясная Поляна”. Справедливость, выходит, ещё не умерла...